

УДК 94[054.5(430)](477)“1918/1941”

<http://doi.org/10.46869/2707-6776-2020-10-7>

Альфред Айсфельд

НЕМЦЫ УКРАИНЫ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ (1918-1941 гг.)

В статье использованы документы, освещающие процесс подготовки и проведения органами НКВД УССР массовой «немецкой операции» – составной «Большого террора» в СССР в 1937-1938 гг. Раскрыты исторические обстоятельства появления приказа НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 г. и специфика его выполнения в УССР. Характеризуются также методика отбора «контингента», который репрессировали (жертв операции), технология проведения в рамках спецоперации массовых репрессий и их трагические последствия для немецкого населения Украины.

Поскольку операция быстро набирала обороты, разобраться в том, что происходило в Украине, для немецких дипломатов было непросто. Но, как следует из телеграммы посольства Германии в Берлин от 7 августа 1937 г., общую ситуацию в СССР дипломаты видели насквозь. Аресты немецких подданных они напрямую связали «с известными террористическими акциями, направленными против всех слоев местного населения». Иными словами, немецкую составляющую того, что потом назовут «Большим террором», они видели и адекватно оценивали с первых дней проведения немецкой операции.

Документы, которые использованы, подтверждают, что трагическим аспектом начала проведения операции стало упрощение и ускорение так называемого следствия по «немецким делам». Не отставали в темпах «работы» и судебные органы, в частности военные трибуналы, которые непосредственно не имели отношения к проведению немецкой операции но занимались рассмотрением дел в отношении людей, среди которых были и немцы – гражданами СССР. Обвиняемые по таким серьезными пунктами статьи 54 УК УССР, как измена родине, шпионаж, диверсия, террор. Санкция этой статьи почти во всех случаях предусматривала высшую меру уголовного наказания – расстрел, который широко использовался на практике. Последней точкой в документальном оформлении репрессий против жертв этой категории были сообщения органов НКВД соответствующему военному трибуналу об исполнении приговора трибунала.

Свой вклад борьбу с «врагами» сделали органы прокуратуры и, в меньшей степени, Наркомат иностранных дел СССР. Аресты некоторых немецких граждан согласовывали с ними.

Ключевые слова: немцы Украины, немецкая операция, «Большой террор», репрессии, шпионаж.

Падение самодержавия было воспринято немцами и меннонитами как акт освобождения от режима, который отвел им роль изгоев. В течение весны и лета 1917 г. в их среде, как и во всей Российской империи, взяли верх общественные силы, связывавшие с выборами в Учредительное собрание надежду на создание демократической парламентской республики, основой которой будут равенство всех граждан независимо от национальности и вероисповедания, защита гражданских прав государством, частная собственность на землю и средства производства.

Захват власти в Петрограде большевиками, военная интервенция против УНР (войска будущего «диктатора Киева» М. Муравьева принесли советскую власть в город на штыках [1; 2]) и гражданская война прервали демократическое развитие.

От политического противостояния к расширению репрессий

Отношение советской власти к немецкому населению Украины было изначально напряженным отчасти из-за подозрения в шпионаже, отчасти из-за классовых противоречий между пролетарскими и люмпенизированными элементами, представлявшими советскую власть и Красную гвардию, с одной стороны, и немцами – сельскими производителями, ремесленниками и владельцами промышленных предприятий, с другой. После установления советской власти основным действием, вызывавшим противостояние, были «походы на кулака» с целью изъятия «излишков» хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Для работы по советизации национальных меньшинств РКП(б) создала национальные секции при своих партийных комитетах [3], основными задачами которых были сбор информации о количестве национальных меньшинств, их экономическом и политическом положении и ведение агитации за советскую власть на языках этих меньшинств [4, с. 173-179]. Центральное бюро немецких секций при ЦК РКП(б) прилагало усилия к созданию подконтрольных ему немецких союзов и обществ и объединению их в одной структуре – Немецком культурно-экономическом обществе.

Объединить немецкие региональные организации предполагалось на III Съезде немцев-колонистов, проведение которого намечалось в Москве 25 сентября 1922 г. Первые два съезда немцев-колонистов состоялись в 1917 г. в Москве (совещание поселян-собственников и землевладельцев-немцев 20-22 апреля и съезд российских граждан немецкой национальности 10-12 сентября). Существовавшие к этому времени немецкие общества в Донецкой, Екатеринославской, Николаевской, Запорожской и Одесской губерниях прилагали усилия для созыва Всеукраинского съезда колонистов [5, с. 89-91]. Поэтому 21 октября ЦБ немсекций постановило просить ЦК РКП(б) о запрете регистрации Всеукраинского колонистского союза [6, с. 660-661].

Решение о ненужности созыва съезда немцев-колонистов было принято уже 13 сентября 1922 г. Вместо этого акцент делался на беспартийные конференции немцев-колонистов, предварительно подготовленные коммунистами.

Землеустройство в немецких и меннонитских селениях велось без учета особенностей и потребностей земельных наделов для товарного производства, свойственного для этих сельских хозяйств. Результатами неудовлетворительного землеустройства, приведшего к значительному уменьшению посевных площадей немецких и меннонитских хозяйств и одновременному вселению в

них стороннего инонационального населения, стало резкое ухудшение экономического положения и рост эмиграционных настроений среди меннонитов [7, с. 65-73; 8, с. 54-56].

По сведениям ЦК КП(б)У до осени 1923 г. «2500 меннонитов, оставляя хлеб на корню, эмигрировали в Америку» [9, л. 7]. В 1923-1929 гг. из Украины эмигрировало около 12 тыс. меннонитов [10, с. 160-161.].

9 июля 1924 г. по материалам контрразведывательного отдела ОГПУ СССР было составлено циркулярное письмо «По Германской разведке и борьбе с ней» [11, л. 42-46], утвержденное зам. председателя ОГПУ Г. Ягодой. Этот документ задал тон в отношении руководства СССР не только к Германии и германским гражданам, но и к немецкому населению СССР на последующие годы. Германские организации, фирмы и граждане обвинялись в шпионаже. Органам ОГПУ вменялось в обязанности: «6. Установить тщательное наблюдение за всеми германскими колониетскими союзами, школами, клубами, благотворительными обществами и проч. для выявления их работы, связи с представительствами за границей, Германским Красным Крестом и проч.» [11, л. 45].

В этом документе обращает на себя внимание то, что общества и организации немцев – граждан СССР именуются **германскими**, т. е. иностранными.

На запрос Ф. Дзержинского о политике германского правительства в отношении СССР от 6 июля 1925 г. начальником контрразведывательного отдела ОГПУ СССР А. Артузовым была составлена справка «Германская контрреволюционная работа в СССР», в которой утверждалось, что «По колониетам усиленную работу развивают все германские консульства. Германские колонии в России и по своей многочисленности, и по своему социальному составу (кулацкий), и политическим стремлениям (фашистско-национальный) представляют крупнейшую опасность **как враждебные и коммунизму, и СССР слои населения** (разрядка наша – А.А.), с одной стороны, а с другой, как группы, стремящиеся укрепить национальные интересы Германии среди нац[иональных] меньшинств» [12, л. 14-15]. Из этого следовал в т. ч. вывод: «Германские колонии являются очагами и базой контрреволюции и шпионажа, ... на которых строится в значительной степени антисоветская политика (взрыв изнутри)» [12, л. 15].

Эта трактовка получила в 1920-х – начале 1930-х гг. подтверждение крайне низким уровнем членства немцев в компартии, комсомоле и советских организациях. В Украине в 1927 г. насчитывалось 1069 членов и кандидатов КП(б)У немецкой национальности (в т. ч. интернационалисты из бывших военнопленных). В 1925 г. в выборах в местные советы приняло участие 57,3% немецкого населения, имевшего право голоса, в 1929 г. – 67,9%, в 1930 г. – 76%. Доля коммунистов в сельсоветах составляла в 1925 г. – 4,7 %, в 1929 г. – 10,3%. Эти показатели были намного ниже, чем у других национальных

меньшинств [13, с. 138-141; 14, с. 71, 72], Также отсутствием проводников коммунистической идеологии в среде немецкого учительства (Одесский окружком КП(б)У «в конце 1925 г. отмечал, что немецкое учительство на 95% не советское, и не только не помогает культпросветработе, но и саботирует ее» [15, с. 287]), в сохранении общинной связи и поддержке духовенства, в сопротивлении немецкого и меннонитского населения раскулачиванию и коллективизации сельского хозяйства и как следствие – росте эмиграционных настроений, а также получении помощи из Германии во время голода 1932-1933 гг.

ОГПУ неоднократно усиливало репрессии против немецкого населения. В июле 1932 г. с этой целью был разослан циркуляр «О борьбе с разведывательной и вредительско-диверсионной работой немецких фашистов против СССР» [16, с. 75]. Уместно отметить, что на выборах в рейхстаг, прошедших в июле 1932 г., НСРПГ получила значительно больше голосов избирателей и мандатов, но к власти Гитлер со своей партией пришел в конце января 1933 г. «Немцы-фашисты», тем не менее, были одним из главных направлений работы ОГПУ СССР по «обеспечению безопасности» страны, основным способом достижения которой являлись депортации и набравшие размах массовые репрессии.

25 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «ввиду особой государственной важности быстрого улучшения работы органов ОГПУ на Украине и ввиду наличия у т. Балицкого большого опыта украинской работы [...] предложить ОГПУ направить в качестве особого уполномоченного ОГПУ на Украину сроком на 6 месяцев [...] с подчинением ему [...] всего аппарата ОГПУ Украины...» [17, с. 340].

22 января 1933 г. последовала директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предотвращении массового выезда голодающих крестьян с Кубани и Украины. Балицкому и председателю ГПУ УССР С. Реденсу было предписано «не допускать массовый выезд крестьян из Украины в другие края и въезд на Украину из Северного Кавказа» [18, с. 634-635; 17, с. 391]. Вслед за этим начались аресты и высылка из ряда областей Украины, а на дорогах из Украины, Северного Кавказа и Белоруссии транспортными органами ОГПУ организованы заслоны и оперативно-розыскные группы [17, с. 398-399.].

3 апреля 1933 г. ГПУ УССР в докладной записке в ЦК КП(б)У «Об операции по очистке пограничной полосы» сообщал о ликвидации польских и петлюровских шпионских и повстанческих подпольных организаций в Киевской, Винницкой и Одесской областях. Помимо этого среди немецко-колонистов были «вскрыты» «крупная контрреволюционная повстанческая организация» «Немцы-фашисты» в Карл-Либкнехтовском немецком национальном районе и «контрреволюционная повстанческая организация» «Тевтонцы» в Зельцском немецком национальном районе Одесской области.

Советско-германские отношения после прихода к власти НСРПГ и их влияние на действия НКВД по отношению к немцам Украины

После вхождения НСРПГ в правительство Германии советское руководство неоднократно высказывало свою озабоченность антикоммунистической направленностью ее политики. О намерении отторгнуть Украину от СССР весной 1933 г. речь заходила неоднократно.

В записке председателя ГПУ УССР В. Балицкого секретарю ЦК КП(б)У С. Косиору от 25 сентября 1933 г. «О деятельности немцев-фашистов на Украине» были названы основные направления «диверсионной, разведывательной и повстанческой» деятельности «немецкого фашизма на Украине»:

- организация диверсионных и шпионских ячеек в промышленности, преимущественно на предприятиях оборонного значения и в частях РККА;
- создание повстанческих организаций в немецких национальных районах и колониях и увязка их с украинским контрреволюционным повстанческим подпольем;
- проведение активной подрывной работы в сельском хозяйстве Украины [19, л. 65].

Здесь же содержалось перечисление промышленных предприятий и воинских частей, где была «вскрыта» деятельность «немцев-фашистов», и германских фирм, чьи представители были в ней задействованы. Особое внимание обращалось на немецкое сельское население. В 26 районах Одесской, Донецкой, Днепропетровской, Киевской областей и Молдавской АССР, согласно этому сообщению, было «вскрыто» 69 немецких повстанческих ячеек и организаций [19, л. 66-69]. В одной только Одесской области такие ячейки были якобы созданы в 22 колониях. При этом арестовано 86 «активных участников организации» [19, л. 80].

По версии ГПУ, избалованная и ликвидированная им в 1933 г. «Украинская военная организация» (УВО), ставившая себе целью создание «Независимой Соборной Украины», ориентировалась на Германию и Польшу. В цитируемых Балицким «свидетельских показаниях» по делу УВО говорится, что ее сближение с Гитлером и его окружением началось уже в 1929 г. «В основном договоренность сводилась к тому, что, после свержения Соввласти и установления буржуазно-демократической республики на Украине, с Германией заключается военный и экономический союз, в первую очередь, против СССР» [19, л. 114].

17 ноября 1933 г. В. Балицкий направил Косиору еще одну докладную записку «О деятельности немцев-фашистов на Украине» [19, л. 103-109]. По версии руководителя ГПУ УССР, повстанческая работа направлялась и контролировалась специально выезжавшими в колонии работниками германских дипломатических представительств. Руководящую роль в организации повстанчества играла группа немецких коммунистов – Ганауш,

Удольный, Вольф, Чапек и др., бывшие военнопленные – агенты немецкой разведки. «Указанные коммунисты СПЕЦИАЛЬНО ДОБИВАЛИСЬ НАЗНАЧЕНИЯ В РАЙОНЫ, НАСЫЩЕННЫЕ НЕМЕЦКИМИ КОЛОНИЯМИ, ГДЕ, ПРОНИКАЯ НА ПАРТИЙНУЮ И СОВЕТСКУЮ РАБОТУ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, ПО НАЦМЕНОВСКОЙ ЛИНИИ, ПРОВОДИЛИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКУЮ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ РАБОТУ» (выделено в оригинале – А.А.) [19, л. 109].

Ориентировка по борьбе с деятельностью «немцев-фашистов» на Украине, подписанная В. Балицким 5 декабря 1933 г., начиналась с утверждения: «Органами ГПУ Украины вскрыта и ликвидируется крупная организация немецких фашистов, проводящих активную диверсионно-разведывательную и повстанческую деятельность на Украине и в других местах. Основными организующими центрами и проводниками фашистской работы являются представители германских фирм, немецкие специалисты и консульства в Одессе, Киеве, Харькове, Ленинграде и Москве» [20, с. 1].

Наряду с германскими подданными в этой ориентировке особо обращено внимание на духовенство, интеллигенцию, «антисоветски настроенных лиц начсостава и красноармейцев в национальных немецких частях и частях, насыщенных немцами», якобы созданные в немецких колониях Украины, Северо-Кавказского края и других местах СССР «штурмовые отряды», на «агентов немецкой разведки, проникших в ВКП(б), а также политэмигрантов, занимавших ответственные посты по партийной и советской линии в немецких национальных районах». Проводниками повстанческой работы, по утверждению Балицкого, являлись немецкое духовенство и немецкая интеллигенция – преподавательский состав национальных школ и вузов, врачи, служащие советского аппарата в немецких колониях и пр. Речь настойчиво шла об организации, агентура которой «проникла в МТС, МТМ и на руководящие должности в колхозы и низовой советский аппарат» [20, с. 2-4].

На основании этого последовал приказ об усилении работы на «полное вскрытие и ликвидацию диверсионных ячеек в промышленности и выявление всей разведывательной и повстанческой деятельности немцев-фашистов».

Самым веским обвинением, выдвинутым НКВД, в будущем окажется, однако, не диверсионная работа как таковая. ГПУ утверждало: «Одновременно и проводившаяся в немецких колониях националистическая деятельность переводится на рельсы активной пангерманской и фашистской работы среди немецких колонистов и украинского населения и создания повстанческих “штурмовых” отрядов, задачи которых сводятся к вооруженным выступлениям в тылу Красной армии в период интервенции» [20, с. 4]. «Исключительное внимание за последний период времени немецкие фашисты уделяли вопросам штурмовых отрядов, пангерманской работы и созданию “Национал-социалистической партии Украины”, исходя из установки, что под влиянием хорошо налаженной фашистской партийно-политической работы,

сопровождаящейся организацией активных диверсионных и разведывательных резидентур, можно будет в достаточной степени подготовить на Советской Украине базу для германской интервенции» [20, с. 7]. Для создания этих отрядов германские агенты, по версии ГПУ, широко использовали оставшихся членов существовавших в начале 1920-х гг. общественных организаций немцев Причерноморья и католических священников. В Николаеве аресты участников этой сети начались в августе 1933 г. [20, с. 19].

5 марта 1934 г. Балицкий в записке на имя Сталина утверждал, что «Материалами, которыми мы располагаем, точно установлено, что немецкие консульства в Харькове, Киеве и Одессе непосредственно руководят работой (подчеркнуто в документе – А.А.):

1. По подготовке организации НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ УКРАИНЫ, которая объединяла бы фашистские элементы всех национальностей и организаций молодежи в так называемый «СОЮЗ БОЕВЫХ МОЛОДЫХ НЕМЦЕВ».

2. По пропаганде пангерманских фашистских идей среди немецкого населения и организаций в тылу гитлеровских штурмовых отрядов, повстанческих ячеек.

3. По насаждению в нашей оборонной промышленности диверсионных и шпионских групп» [17, с. 495].

Окончание записки лаконично: «В связи с вашими (Сталина – А.А.) указаниями мною тщательно проинструктирован аппарат ГПУ и работа по консульствам поставлена в центр внимания» [17, с. 500].

В апреле 1934 г. «раскрыли» группу, состоявшую из германских подданных, якобы создавших нелегальную национал-социалистическую организацию и занимавшихся военным шпионажем, вредительством, распространением контрреволюционных фашистских листовок. По решению политбюро ЦК ВКП(б) эти иностранцы были высланы из СССР [17, с. 819]. Та же участь постигла «участников» «фашистской организации, работающей под прикрытием Немецкой центральной газеты – ДЦЦ (Фридага Генри, Вальтера Варта, Кампгаузен Л.Л., Радишток П.Б.)», а дела советских граждан, проходивших по этим двум разработкам, переданы на рассмотрение Особым совещанием НКВД [17, с. 565].

Помощь голодающим

Во время «Голодомора» помощь продовольствием и валютой для покупки продуктов питания в магазинах системы «Торгсин» поступала из Германии по линии организации «Братья в нужде» не только немецкому населению, но и жителям тех же населенных пунктов других национальностей (украинцам, евреям, русским, болгарам).

Советское руководство усмотрело в оказании помощи голодающим антисоветскую, контрреволюционную деятельность, а проводников оказания

этой помощи (сбор информации, передача писем с просьбами о помощи, ее адресное распределение и т. д.) начало репрессировать.

В апреле-июле 1934 г. были «в порядке оперативного нажима проведены репрессии в отношении фашистского актива в национальных немецких районах и колониях», в ходе которых секретарь Германского консульства в Одессе К. Ганн и представители Германского транспортного общества «Дойче-Леванте Линие» выдворены за пределы СССР, деятельность благотворительных организаций «Братья в нужде», «Фаст и Бриллиант», «Свет на Востоке» и др., через которые голодающему населению оказывалась помощь, на территории СССР запрещена, проведены аресты в Днепропетровской, Донецкой, Одесской и Киевской областях [22, л. 1-2.].

Из идеологических побуждений помощь голодающим получила название «Гитлеровская помощь». Факт ее получения относили к категории «антисоветская пропаганда» и квалифицировали как преступление соответственно ст. 54 УК УССР (ст. 58 УК СССР). В докладной записке В. Балицкого в ЦК КП(б)У (22 мая 1934 г.) утверждалось, что консульства Германии в Украине значительно усилили антисоветское влияние «немецких националистических организаций».

За этим последовали аресты и усиление политического и административного давления. 15 сентября 1934 г. ЦК КП(б)У принял постановление «О работе Молочанского райкома партии Днепропетровской области», предписавшее органам НКВД провести мероприятия «по решительному освобождению района от антисоветских элементов, связанных с немецким фашизмом» [23, с. 76]. 5 ноября 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своей директивой «О борьбе с контрреволюционными фашистскими элементами в немецких колониях», которая была направлена национальным ЦК, крайкомам и обкомам ВКП(б) в виде шифрованной телеграммы, распространило репрессии на всю территорию СССР. Оно обязало в немецких районах «принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу» [24, с. 99]. Уместно отметить, что принятое в этот же день постановление ЦИК и СНК СССР учреждало при НКВД СССР Особое совещание, которому давалось право «применять меры» по отношению к лицам, признанным карательными органами общественно опасными. «Меры» включали ссылку и высылку на срок до 5 лет под гласный надзор, заключение в ИТЛ сроком до 5 лет, высылку за пределы СССР иностранных подданных [25, с. 138-139].

После убийства С.М. Кирова ЦИК СССР принял постановление, которым радикально обострил деятельность НКВД, узаконив ускоренное и упрощенное рассмотрение дел арестованных по обвинению в подготовке или совершении террористических актов. Судебным органам предписывалось «не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства

преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению». Органам НКВД было поручено «приводить в исполнение приговор о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров» [25, с. 141]. После принятия этого постановления обвинение в подготовке террористического акта, независимо от того, насколько оно было обосновано, практически являлось смертным приговором [26, с. 25].

Архивы и массовые репрессии в СССР

Роль и работа архивов у исследователей террора в СССР, как правило, остается вне поля зрения. Организационная подготовка массовых репрессий началась, однако, задолго до их начала. Для подтверждения их правомерности необходимы были доказательства. Особое место при этом отводилось архивам. Уже с конца 1920-х гг. архивные учреждения получали прямые указания высших партийных и правительственных органов сконцентрироваться на работе по выявлению в документах компрометирующего материала на советских граждан с целью разоблачения врагов народа. С одной стороны, архивы были призваны разрабатывать хранящиеся в них фонды в виде алфавитных картотек с данными на лиц с контрреволюционным прошлым. С другой стороны, они должны были «добывать материалы» на запросы парторганизаций и ОГПУ, касавшиеся биографий конкретных лиц [27, с. 15].

На заседании Центрального архивного управления (ЦАУ) СССР 7 января 1931 г. были приняты тезисы доклада «О новых задачах и реорганизации архивного дела в СССР», с которым выступил зам. управляющего Центрархивом СССР Ф.Д. Кретов. Ближайшей целью в них названа «необходимость внедрить в сознание всех и вся, что “архивное дело является не самоцелью, а политическим орудием пролетарской диктатуры и средством социалистического строительства”» [28, с. 170].

Использование архивных фондов было поставлено в прямую зависимость от «конкретных заданий со стороны соответствующих учреждений и организаций». Со временем поток запросов буквально парализовал работу архивов. В 1937 г. архивисты вынуждены были заниматься только наведением справок для НКВД.

Одним из ключевых документов для понимания сути мероприятий, проводившихся в отношении немцев Украины, является директива В. Балицкого от 15 ноября 1934 г. [22, л. 1-23]. В ней давалась установка на усиление и систематизацию репрессивных мер против немецкого населения. Для этого Балицкий приказал «во все немецкие районы, а также районы, где имеются компактные массы немецкого населения (нем. колонии), командировать опытных, квалифицированных оперативных работников, которых оставлять на месте впредь до четкого налаживания агентурного

аппарата, работающего по немцам, и не менее чем на месячный срок. Этим работникам проверить все находящиеся в производстве агентурные дела и разработки, а также все виды учетов по немцам, и составить оперативные листы на арест наиболее активного контрреволюционного и антисоветского элемента» [22, л. 17].

Далее Балицкий предупреждал, что «работа по репрессированию и изъятию немецкого фашистского и антисоветского элемента ни в коем случае НЕ ЯВЛЯЕТСЯ КАКОЙ-ЛИБО СПЕЦИАЛЬНОЙ КАМПАНИЕЙ» (выделено в документе – А.А.). Тем не менее, для ее проведения он приказал «в национальных немецких районах на Украине: Спартакoвском, Коминтерновском, Зельцском, Карл-Либкнехтовском, Молочанском, Люксембургском и Пулинском ввести специальные должности уполномоченных ОО (особых отделов – А.А.) для работы по немцам», а «во всех районах, где имеются компактные массы немецкого населения, немецкие колонии (Новоград-Волынский, Черняхoвский, Эмильчинский, Володарск-Волынский и др.), ввести должности резидентов ОО специально для работы по немцам» [22, л. 18-19, 21-22].

Целью этой директивы было окончательное уничтожение «немецкого контрреволюционного фашистского подполья, проводящего шпионско-диверсионную, подрывную работу». Для достижения этого предписывалось: «ПРИНЯТЬ РЕПРЕССИВНЫЕ МЕРЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К АКТИВНЫМ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ И АНТИСОВЕТСКИ НАСТРОЕННЫМ ЭЛЕМЕНТАМ, ПОДВЕРГАЯ ИХ АРЕСТАМ И ВЫСЫЛКЕ, А В ОТНОШЕНИИ НАИБОЛЕЕ ЗЛОСТНЫХ ДОБИВАЯСЬ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРОВ О РАССТРЕЛЕ» (выделено в документе – А.А.) [22, л. 17].

Эта директива примечательна не только тем, что требовала усиления и систематизации оперативного учета с включением подозреваемых в оперативные листы для ареста, но и тем, что давала возможность применения репрессивных мер вплоть до расстрела как германских подданных, так и советских граждан – немцев, украинцев, русских и представителей других национальностей по одним и тем же обвинениям.

20 декабря 1934 г. увидело свет постановление ЦК КП(б)У «О переселении из приграничных районов», направленное на усиление приграничной полосы посредством «очищения» немецких и польских сел от неблагонадежного и антисоветского элемента [29, л. 316-317].

Вслед за постановлением политбюро ЦК КП(б)У «О Мархлевском и Пулинском районах» 17 августа 1935 г. [30, л. 160-160 об.; 31, с. 137-138], содержавшим политическое решение о ликвидации этих национальных районов (польского и немецкого), последовали его же постановления «О переселении польских и немецких хозяйств из приграничной полосы» за пределы Украины (25 ноября 1935 г.) и «О переселении 15 000 хозяйств из Киевской и Винницкой областей в Казахстан» (9 апреля 1936 г.) [32, с. 18-21].

В октябре 1935 г. по обвинению в контрреволюционной работе были арестованы редакторы и другие сотрудники немецких периодических изданий и «Украинамиздата» [33, л. 438-449]. Всего в 1935 г. в Украине было ликвидировано 27 «организаций фашистского подполья» с общим числом 1098 арестованных, арестованы почти все пасторы и высланы 10600 немцев из пограничной полосы [34, л. 195].

В октябре 1935 г. прошли аресты австрийских и германских эмигрантов, отчасти уже с 1917 г. участвовавших в установлении советской власти на Украине и занимавших на время ареста руководящие должности в немецких национальных районах Украины и Немецкой секции КП(б)У. НКВД определил их членами «Национального союза немцев на Украине», имевшего разветвленную организационную структуру по всей республике [35; 36]. В 1936 г. по делам этого союза («Национальный союз немцев на Украине» («НСНУ»)) осудили 123 человека, а дело его так называемого «руководящего центра» было заслушано Военным трибуналом Киевского военного округа 13-21 января 1937 г. [37].

На январском пленуме ЦК КП(б)У 1936 г. нарком НКВД УССР В. Балицкий заявил, что «немецкий фашизм» старается создать свои опорные пункты в немецких национальных районах Правобережной Украины, «в Донбассе и в других областях Украины» [36, с. 134]. «Выявление» этих «опорных пунктов» проходило, однако, не так оперативно как требовалось. Поэтому Балицкий 20 июля потребовал от начальников областных УНКВД «усилить темпы оперативной и следственной работы по **немецкой линии** (выделено нами – А.А.) с учетом тщательного, более глубокого изобличения роли и деятельности немецких консульств, особенно в последние годы» [38, с. 29-30].

Во второй ориентировке речь шла уже не только о контрреволюционной троцкистской организации, а о некоем «**Немецком фронте**», целью которого было проведение диверсий на советских предприятиях [39, л. 6-7]. Это, более радикальное, по сравнению с предыдущими годами, отношение советской власти к немецкому населению являлось составной частью расправы сталинского руководства с внутрипартийными оппонентами и проявлением шпиономании, охватившей все сферы государства и общества. Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу наркома внутренних дел СССР Н. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» [17, с. 112-114] (3 марта 1937 г.) нацелила ВКП(б) и НКВД на усиление репрессивной политики против любых «антисоветских» проявлений.

Одним из главных направлений работы советского руководства была «борьба с иностранным шпионажем». Для «его изобличения» широко использовалась пресса, статьи для которой готовились в недрах Разведывательного управления РККА и утверждались высшим партийным руководством. Начальник управления С. Урицкий 26 апреля 1937 г. докладывал И. Сталину: «По Вашему указанию коллектив работников разведывательного

управления написал ряд статей, характеризующих организацию и некоторые методы работы иностранного шпионажа. Семь статей, предварительно просмотренных т.т. Ворошиловым и Ежовым, уже опубликованы в центральной прессе... Пять статей, которые при сем представляю Вам, будут напечатаны, если на то последует Ваше согласие» [17, с. 134]. Сталин, которому Наркомат иностранных дел направлял записки с апелляциями о неприменении высшей меры наказания к арестованным подданным Германии, следил за каждым случаем ареста иностранцев [17, с. 161, 162].

За 17 лет советской власти в Украине руководство РКП(б) и КП(б)У применило весь арсенал имевшихся у него мер политического и административного воздействия на немецкое и меннонитское население. Рано убедившись в том, что это население в большинстве своем не поддается скорому перевоспитанию в большевистском духе, партийное руководство принимало все более жесткие меры для изменения социального состава и политической ориентации немцев и меннонитов. Для этого оно задействовало в первую очередь и в большем объеме силовые методы ОГПУ-НКВД.

После приказа № 00174 от 3 мая 1936 г. «О реорганизации учетно-статистического отдела ГУГБ и УСО УГБ УНКВД» приказом НКВД СССР № 00242 от 17 июля 1936 г. была введена в действие «Инструкция о порядке разработки архивных материалов Главного управления государственной безопасности и его местных органов», которая вводила не только систематизацию и централизацию всех имеющихся в распоряжении НКВД дел и материалов, но и сосредоточение определенных дел в так называемом «Особом архиве».

Оперативное значение создания Особого архива заключалось в том, что на основе его данных можно было развернуть новый этап репрессий. Для их подготовки § 17 Инструкции предписывал: «По всем делам Особого архива (как по следственным материалам, так и по агентурным) в процессе их обработки **должны быть выявлены все проходящие по делам лица, которые по каким-либо причинам не были своевременно репрессированы и не привлечены к делу**» (текст выделен в Инструкции – А.А.) [40, л. 62 об]. Обращает на себя внимание то, что указанная формулировка дает возможность учета всех лиц, проходивших по делам, независимо от того, вменялось ли им в вину какое-либо преступление или нет.

Примечательно, что в качестве примеров по теме учета «иноколонии и духовенство католическое, лютеранское» названы: польская колония, чешская колония, немецкая колония, корейская колония и т. д. Под «колонией» подразумевались лица названной национальности. Поскольку под «повстанчеством» подразумевались: а) восстания, б) мятежи, в) повстанческие контрреволюционные организации, группы и одиночки, а под «массовыми антисоветскими выступлениями»: а) забастовки и волынки, антиколхозные выступления, в) коллективные выступления в армии и т. д., немецкое сельское

население автоматически подлежало учету НКВД по национальному признаку за участие в восстаниях 1919 г. и активное или пассивное сопротивление коллективизации сельского хозяйства. Кроме того, немцы подлежали учету как «бывшие люди», т. е. – земельные собственники, и по «делам, связанным с политическими кампаниями», т. е. – противодействие и невыполнение продразверстки или хлебозаготовки, саботаж сева.

Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» (3 марта 1937 г.) явилась сигналом для расширения и ужесточения репрессий против социально-чуждых элементов (кулаки) и по национальным линиям. «Немецкий» приказ НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 г. стал первым приказом по «национальной» линии.

Приказ НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 г.: репрессии по «немецкой линии»

3 июля 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об антисоветских элементах», согласно которому намечалось внесудебное репрессирование бывших кулаков, вернувшихся из ссылки, отбываемой в северных и сибирских районах.

В оперативных планах изъятия кулаков и уголовников по 1-й и 2-й категориям была дана установка: «При подготовке операции на кулаков и уголовников широко использовать материалы на кулаков – членов различных религиозных сект, связи иностранных консульств, лиц, судившихся за шпионаж, получателей “гитлеровской помощи”, бывших политбандитов» [41, с. 53, 57]. При исполнении этого приказа в поле зрения НКВД оказались тысячи немцев, которым предъявляли обвинение по этим категориям учета. Роковую роль в разворачивании репрессий сыграла установка на то, что «соблюдение процессуальных норм и санкций на арест не требовалось, а решения “троек” являлись окончательными».

Указание об аресте «всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать» было дано И. Сталиным. Приказ НКВД СССР № 00439 и указание об учете и последующем аресте германских подданных на 28 заводах передали в Киев 25 июля 1937 г. в 6 час. 51 мин. Согласно приказу, к арестам должно было приступить, начиная с 29 июля, и закончить операцию в пятидневный срок, т. е. 2 августа.

В пункте 4 приказа делался упор на то, чтобы «добиваться исчерпывающего вскрытия неразоблаченной до сих пор агентуры германской разведки и окончательного разгрома диверсионной низовки, заложенной ею на промышленных предприятиях». Под «**низовкой**» понимали «связи» германских граждан с окружающим населением. Пункт 5 давал возможность применения репрессий, как против советских граждан, так и против подданных других

государств. Решающим стало, таким образом, не гражданство или место работы, а причисление к категории «шпионы, диверсанты, террористы».

Нарком внутренних дел УССР И. Леплевский в циркуляре от 25 июля 1937 г., адресованном всем начальникам областных УНКВД УССР и 3-их (контрразведывательных) отделов УГБ, обозначил еще три группы граждан, подлежащих репрессии, и приказал:

«3) провести учет всех **связей** (выделено нами – А.А.) германскоподданных, работавших на военных заводах, оборонных цехах, железнодорожном транспорте и энергетической промышленности и приступить к тщательной их агентурной разработке».

Под связями германских подданных подразумевали людей любой национальности и гражданства, имевших служебные или частные контакты с подданными Германского рейха (Германии).

Несмотря на то, что с июля 1936 г. проводилась систематизация учета и **«должны быть выявлены все проходящие по делам лица, которые по каким-либо причинам не были своевременно репрессированы и не привлечены к делу»**, операция по «немецкой линии» разворачивалась медленно.

Количество арестованных германских подданных по истечении пятидневного срока операции оказалось явно ниже ожидаемого. И. Леплевский 4 августа констатировал: «Количество признавшихся ничтожно. Аресты проходящих по показаниям участников диверсионной низовки почти не производятся». То есть, упор делался на «низовку». Через четыре дня начальник 3-го отдела УГБ НКВД УССР В. Стырне уже требовал от УНКВД по Харьковской области: «Несмотря на неоднократные указания до сих пор вами не представлены сведения об арестованных немецких агентах, шпионах и диверсантах советских граждан...» [42, л. 223].

С 25 августа 1937 г. Леплевский требовал от областных УНКВД для доклада наркому Н. Ежову подробную информацию о репрессиях по национальным линиям, именуемым шпионажем. С 31 августа он требовал «ежедневно телеграфно сообщать количество вновь арестованных по немецким делам, сколько за истекшие сутки созналось и в чем». В циркуляре Леплевского начальникам УНКВД по Сталинской, Днепропетровской, Одесской и Киевской областей от 28 августа 1937 г. его требование сводилось к следующему: «Темпы следствия [по] делам арестованных германскоподданных совершенно недостаточны. Мало сознавшихся. Аресты проходящих [по] показаниям арестованных участников диверсионной низовки проводятся очень медленно... Предлагаю добиться в ближайшие дни решительного перелома [в] темпах следствия [по] делам арестованных немцев и оперативной реализации материалов [по] разгрому германской шпионско-диверсионной агентуры» [43, л. 116].

На 3 октября 1937 г. по всей Украине были «закончены следственные дела арестованных агентов германской разведки», заведенные на 104 иностранцев, в числе которых был 91 немец [44, л. 70].

До 1 октября 1937 г. по «кулацкой операции» в Украине было арестовано 24405 человек, в числе которых 2197 немцев (9% всех репрессированных). Решениями областных «троек» 1047 немцев отнесли к 1-й категории, определив к расстрелу, а 1150 немцев включили во 2-ю категорию – для отправки в ИТЛ [45, л. 40].

К этому времени по приказу НКВД СССР № 00439 было арестовано значительно меньше советских граждан немецкой национальности. И. Леплевский направил Н. Ежову «на утверждение списки и справки по законченным делам на 488 человек». Из них по Донецкой области – на 391 человека и по Одесской области – на 97 человек. Всего через неделю, 8 октября 1937 г., Леплевский докладывал Ежову уже о 3940 арестованных по «немецкой линии», в числе которых были 183 германских подданных. Как видно, подавляющее большинство арестованных по «немецкой линии» было советскими гражданами, т. е. «низовкой».

Докладные записки о результатах «борьбы с германским шпионажем и контрреволюцией» стали поступать с 1 сентября 1937 г. Примечательно, что докладная записка УНКВД по Харьковской области [46, л. 70-86] охватывает 3 месяца: июнь, июль, август. Больше половины этого времени приходится на период до появления приказа № 00439. Из 139 арестованных германскими подданными были только 25 человек, 18 – политэмигрантами или подданными других стран, а 96 человек – советскими гражданами.

Учитывая, что «повстанческие», «диверсионные», «немецкие фашистские» и подобные группы и организации «выявлялись» органами ГПУ и НКВД с начала 1930-х гг., и принимая во внимание докладную и ориентировку В. Балицкого «О деятельности немцев фашистов на Украине» (25 сентября и 5 декабря 1933 г.), его же директиву от 15 ноября 1934 г., а также аресты в 1934-1936 гг., массовую депортацию немцев из приграничной полосы и неоднократно «спущенные сверху» требования о разгроме и ликвидации «низовки», а также судя по отчетам за июнь-август 1937 г., сотрудники НКВД понимали приказ НКВД СССР № 00439 как требование усиления репрессий по уже давно разрабатывавшейся «немецкой линии». Репрессии, изначально имевшие преимущественно социально-политическую окраску, получили национальную (этническую) окраску.

2 октября 1937 г. ЦИК СССР постановил ужесточить меру наказания за шпионаж и вредительство с попытками организации взрывов, крушений, поджогов с человеческими жертвами и других диверсионных актов, увеличив срок лишения свободы с 10-ти до 25 лет [47, с. 297].

Аресты проводили городские и районные отделы НКВД, созданные в июле 1937 г. межрайонные оперативные группы (45 групп), а также все шесть

отделов УНКВД. Кроме того, дорожно-транспортные отделы НКВД при управлениях железной дороги получили с 1 августа 1937 г. право проведения арестов и оформления дел по «кулацкому» приказу № 00447 для подачи на рассмотрение «тройки» [25, с. 154]. Они же проводили аресты и по всем остальным «линиям». Органы, осуществлявшие арест, проводили и «следствие».

Межрайонные оперативные группы подавали материалы, поступившие к ним от РО НКВД и ГО НКВД. Протоколы заседаний «тройки» готовились заранее ее секретарем, а члены «тройки» подписывали готовые протоколы, лишь изредка меняя предложенное межрайонной оперативной группой решение.

Рейдовый метод нажима

Переход от ареста отдельных «агентов», «диверсантов» и других «врагов» к выявлению целых организаций практиковался ГПУ-НКВД с 1920-х гг. и принял в 1934-1936 гг. значительный размах. Помимо командирования для работы в НКВД проверенных партийцев, рассылки ориентировок по «шпионской» работе японской, польской, германской разведок, выдвижения на руководящие должности наиболее преуспевающих работников НКВД, сами руководящие сотрудники НКВД СССР и НКВД УССР выезжали в регионы для личного руководства операциями.

В ноябре 1937 г. для рассмотрения материалов на обвиняемых УНКВД по Донецкой области в г. Сталино прибыл зам. наркома внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности 2-го ранга Л. Бельский. За неделю он единолично «рассмотрел» дела и вынес решения в порядке приказов НКВД СССР № 00439 и № 00485 на 907 арестованных: по 1-й категории – на 850 человек, по 2-й категории – на 57 человек.

Методы ведения допросов и фальсификация показаний подследственных

«Следовательским составом, под нажимом, записывались вымышленные показания обвиняемых и свидетелей, учинялись фиктивные подписи арестованных, производились так называемые “заочные очные ставки” по заранее заготовленным протоколам.

Для быстрого признания арестованных, в камерах был создан институт старостата, в задачу которого входило – обработка арестованных и дача им направлений в составлении их показаний. Установлены факты искусственного создания массовых контрреволюционных организаций различных окрасок» [29, л. 1-2].

Справки на арест составлялись без наличия компрометирующих материалов. Несмотря на это, в справке указывалось: «оперативно-следственными материалами установлено, что такой-то проводит вредительскую к. р. деятельность и т. д., тогда как горотдел никакими материалами не располагал» [29, л. 2-3].

Одновременно практиковались камеры-«инкубаторы», «в которых арестованные, в большой скученности, стояли по несколько суток до того времени пока не изъявляли согласия давать показания» [29, л. 4]. «Создавались» несуществующие контрреволюционные организации [29, л. 4].

В работе НКВД применение физической силы (избиений) к подчиненным и арестованным было широко распространенным методом достижения нужных результатов. «Смотрящий от Лубянки» за Донбассом Л. Бельский «несколько раз приезжал в регион и учил, как надо работать». «Бельский же всем дал ясную установку на оперативном совещании работников наркомата: “шпик или участник организации, всё равно он будет расстрелян. Так, чтобы взять от него – дайте ему в морду”. Все с одобрением отнеслись к этому» [38, с. 38]. Начальник УНКВД по Днепропетровской области П. Коркин подвергал избиению своих подчиненных во время оперативных совещаний в собственном кабинете [29, л. 176]. Он сам и те, в свою очередь, избивали арестованных [29, л. 158].

Если сотрудник не мог добиться от арестованных «нужных» показаний, то их пересаживали в другие камеры, где они проходили камерную обработку. Также практиковалась «переделка» дел, которые отбирались у сотрудников, не справлявшихся с арестованными.

Нереальные установки руководства принимались безоговорочно. Тот же Коркин принял установку Успенского арестовать и закончить дела на 5000 человек за 10-15 дней, хотя это было невозможно [29, л. 153].

4 ноября 1937 г. И. Леплевский передал всем областным УНКВД приказ Н. Ежова о форсировании «национальных операций» до 10 декабря 1937 г. Постановления областных «троек» по «национальным линиям» отправлялись в НКВД СССР в «альбомном порядке» для заочного рассмотрения на Особом совещании при НКВД СССР – так называемой «двойке». В приказе Ежова № 56 от 11 января 1938 г., требовавшем усиления массовых репрессий на железнодорожном транспорте, один из пунктов был нацелен на усиление репрессий по «национальным линиям»: «3. В полной мере выполнить требования приказов об операциях по полякам, немцам, харбинцам, грекам, финнам, румынам и другим» [48, л. 5].

Нарком Успенский и репрессии по «немецкой линии» в 1938 г.

25 января 1938 г. наркомом внутренних дел УССР был назначен А.И. Успенский, занимавший до этого должность начальника УНКВД по Оренбургской области. Там он отличился тем, что, пребывая на этой должности в 1937 г. – начале 1938 г. 96,4% всех арестованных по «национальным» линиям были «пропущены» по 1-й категории [49, с. 33]. В течение недели после своего назначения в Киев он заменил всех начальников НКВД в областях и воссоздал межрайонные оперативные следственные группы. Главный удар был нацелен на село. Межрайонные группы получили право «осуществлять аресты по

собственному усмотрению, проводить следствие за упрощенным методом с таким расчетом, чтобы большинство своих дел направлять на тройку» [50, с. 107-108]. 31 января 1938 г. НКВД УССР постановлением политбюро ЦК ВКП(б) получил дополнительный «лимит» на расстрел 6000 бывших кулаков, антисоветского элемента и преступников. По «национальным» линиям «лимитов» не было.

2 февраля 1938 г. приказом Н. Ежова № 233 массовые репрессии по «национальным линиям» были продлены до 15 апреля. Относительно немцев приказ гласил: «Также подвергните аресту всех подозреваемых [в] шпионско-диверсионных и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих [в] советском гражданстве» [51, л. 15-16]. В этот период сохранялся внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по «национальным» приказам.

В середине февраля 1938 г. Украину посетил нарком внутренних дел СССР Н. Ежов [52, л. 8, 17]. Он охарактеризовал операции, проведенные НКВД УССР, как «штукарство, удар по одиночкам и отметил полное отсутствие работы по разоблачению организованного антисоветского подполья» [50, с. 112]. Директивой от 21 февраля 1938 г. А. Успенский потребовал от начальников областных УНКВД «очистить» заводы оборонной промышленности, выделив «немцев, поляков, латышей и других подозрительных по диверсии и шпионажу» как одну из четырех категорий подозреваемых. Требованием: «одновременно максимально усильте агентурную работу по всем подучетным контингентам, обращая особое внимание на лиц, имевших связи с иностранными специалистами, работавшими ранее на оборонных заводах» [53, л. 19], «низовка» еще раз была определена для расширения репрессий.

Уже за февраль по «польской линии» было арестовано 3533 чел., по «немецкой» – 2728 чел. и более 2000 чел. по другим национальным линиям. 3 марта Успенский докладывал Ежову, что на 2 марта «по немецкой операции по Украине арестовано 3565 человек». Этот результат явно не соответствовал ожидаемому, поэтому Успенский в тот же день приказал всем начальникам областных УНКВД «путем раскопки соответствующих архивных материалов на местах в ходе следствия по немецким делам и через агентуру выявить действующие сейчас центры немецкой фашистской работы на Украине». Мотивировалось это тем, что якобы «следствием по немецкой операции до сих пор не вскрыты центры организованной шпионско-диверсионной и повстанческой работы немецкой военной разведки на Украине» [53, л. 47-49].

8 марта 1938 г. Успенский дал всем начальникам областных УНКВД указание выявлять и оперативно разрабатывать «старослужащих» акционерных обществ и иностранных фирм, существовавших до революции.

Через месяц после доклада Ежову – 3 апреля 1938 г. – Успенский указал всем начальникам областных УНКВД на то, что:

«1. Разгром немецкого фашистского военно-повстанческого подполья на Украине идет чрезвычайно медленными темпами.

2. На Украине еще не вскрыты значительные фашистские военно-повстанческие формирования, возглавляемые бывшими участниками немецкой «самообороны-Зельшутц»¹, немецких комендатур и оккупационных войск², а также участниками политбанд и белогвардейско-кулацких восстаний.

3. В Киевской, Винницкой и Донецкой областях фашистские военно-повстанческие формирования совершенно не вскрыты» [53, л. 75-76].

Эти два указания примечательны тем, что нарком ставил областным УНКВД задачу «вскрыть» организации, о которых те не знали. Вместе с тем, он дал указание выявлять участников этих фантомных формирований не посредством оперативной работы, а «путем раскопки соответствующих архивных материалов». Некоторым областным УНКВД на выполнение этих указаний потребовалось всего несколько недель. Так, назначенный 3 марта 1938 г. на должность начальника УНКВД по Николаевской области П.В. Карамышев уже 24 апреля 1938 г. доложил о ликвидации крупной фашистско-повстанческой организации, аресте членов «межрайонного штаба этой организации» и 700 участников, а также об изъятии 1289 стволов огнестрельного оружия.

УНКВД других областей потребовалось больше времени для проведения очередной волны арестов, соответствовавших полученным 3 апреля указаниям. Масштабность проведенной в областях работы видна по докладу Успенского руководству НКВД СССР от 2 июня 1938 г. о ликвидации «Волынского областного немецкого фашистского центра» в Житомирской области. В Харькове «вскрыли» и ликвидировали «Левобережный центр германской национал-социалистической партии», в Донецкой области – «немецкую шпионско-диверсионную организацию», которую А. Успенский в докладе для Москвы характеризовал как областной центр немецкого фашистского подполья в Сталинской и Ворошиловградской областях. В Киеве «выявили» организацию, основной задачей которой была подготовка «бактериологической диверсии на военное время». 13 июля последовало сообщение Успенского Ежову о ликвидации в Одесской области созданного Германским генеральным штабом «областного немецкого национал-социалистического центра» и штурмовых отрядов в немецких населенных пунктах ряда областей.

Однако количественные показатели явно не соответствовали поставленной Ежовым задаче, поэтому Успенский на второй неделе июля направил в Запорожье группу оперативных работников, которая за несколько дней

¹ Зельбштутц (нем.: Selbstschutz) – отряды самообороны, созданные в 1917-1918 гг. по решениям сельских и волостных сходов для защиты немецких селений от банд мародёров. Подобные отряды самообороны были созданы в болгарских, украинских и других селениях и городах с той же целью.

² Имелся в виду 1918 г., когда на территории Украины находились австрийские и германские войска.

«арестовала в промышленности Запорожья 500 участников антисоветских формирований, шпионов и диверсантов». Такого «успеха» группа смогла добиться за счет того, что провела «раскопки» в материалах оперативного учета ГО НКВД г. Запорожья. По оценке В.Р. Грабаря и Успенского, «проверкой на месте установлено, что нами операции в Запорожье проводились недостаточно продуманно, имеющийся оперативный учет не использовался. В горотделе имеется до 10 тыс. архивных дел, требующих немедленной оперативной проработки» [54, л. 75-76]. По результатам этих «раскопок» на местах составляли оперативные листы на арест. Обращает на себя внимание то, что уже 17-летних молодых людей обвиняли в участии в «немецкой контрреволюционной шпионско-диверсионной организации».

Эта оперативная группа не только «подняла буквально за 2-3 дня» и арестовала по 17-ти категориям учета 500 человек, но и определила «виновных» в недоработках. Ими оказались начальник УНКВД по Днепропетровской области Коркин и его ближайшие сотрудники. По сообщению Ежову от 15 июля 1938 г., к Коркину Успенский, присматривался, т. к. «линия его внушает некоторое сомнение». Некоторых его сотрудников нарком отозвал в Киев, выдвинув на их должности «хороших большевиков», в т. ч. заместителем начальника областного УНКВД – И. Дарагана. Он обратил на себя внимание Успенского тем, что на совещании 11 июля 1938 г. в Днепропетровске, где нарком потребовал арестовать 1000 человек, Дараган взял на себя обязательство арестовать до 1 августа 1500 чел. Для его выполнения аресты, в т. ч. по национальному признаку, проводились по спискам [29, л. 56, 63, 117]. В 1939 г. на заседании парткома УГБ УНКВД области С. Коган заявил: «С нас требовали в одну ночь посадить 500 чел. Были мобилизованы машинистки со всего города, поднимали отчеты, заявления, расшифровывая их перед ними. Все материалы для ареста подготавливались без достаточной проверки» [29, л. 175]. Своим подчиненным Дараган сообщил, что нарком Успенский, узнав, что в Запорожье много «несознавшихся» арестованных, «приказал в отношении их применять меры физического воздействия» [29, л. 75].

Став заместителем начальника УНКВД по Днепропетровской области, Дараган перенес свои методы работы в остальные горотделы. Прибыв в июле 1938 г. в Кривой Рог, «где имелось около 1000 арестованных, подготовленных для слушания на “тройке”, дал указания все дела переоформить и добиться от арестованных (признания – А.А.) их шпионской деятельности, что и было проделано, и от всех арестованных, в количестве 600-700 человек, были получены показания о шпионаже, в большинстве протоколы писались “по шпионажу” без присутствия арестованных, и последние подписывали протоколы под нажимом следователей, не читая последних» [29, л. 38].

По прибытии Дарагана в Запорожье «по его заданию, ночью были подняты все работники горотдела и разосланы по объектам, чтобы собрать характеристики на все инонациональности через партийные организации

заводов. После того, как была проделана эта работа, Дараган тут же по этим характеристикам санкционировал аресты...» [29, л. 95].

Назначенный в конце июля 1938 г. врид. начальника Криворожского ГО НКВД В. Редько, исполняя указание Дарагана, переквалифицировал «обвинения арестованных в количестве 600-700 человек, дал установку оперативному составу заготовить трафаретные протоколы допроса с обязательным указанием их, якобы шпионской, деятельности, что и было проделано» [29, л. 43-44]. В этом же ГО НКВД проводились массовые «очные ставки» до 70 человек при заблаговременной заготовке протоколов очных ставок, которые оформлялись без присутствия арестованных [29, л. 122].

В середине июля 1938 г. Успенский провел рейд в г. Николаеве, целью которого было: «Провести операцию по Николаеву, Херсонскому, Голопристанскому, Хорловскому, Скадовскому и другим районам побережья и арестовать всех, проходящих по следственным и агентурным материалам, как агентов переправщиков, явочников разведок. Всего намечено к аресту по этим операциям 450 человек, из которых 250 уже арестованы, остальные будут взяты в ближайшие 2-3 дня» [54, л. 48]. Для этой операции Успенский предварительно командировал в Николаев бригаду «оперативных работников во главе с начальником 3-го отдела наркомата». 16 июля 1938 г. нарком провел «оперативное совещание со всем чекистским составом аппарата управления НКВД и горрайотделений», настроив чекистов во главе с начальником УНКВД Карамышевым на то, чтобы «форсированно развернуть следствие по правотроцкистской агентуре японской, английской и других разведок, действующих на николаевских судостроительных заводах, и окончательно очистить эти заводы от вражеских элементов».

К концу июля начальник УНКВД по Ворошиловградской области Г. Коркунов также доложил о «вскрытии» шпионско-диверсионных, фашистско-штурмовых отрядов, шпионско-диверсионных резидентских агентур и агентов разведки, в ходе которого с 12 июня по 29 июля 1938 г. арестовали 200 человек. В телефонограмме А. Успенскому у ряда арестованных указано социальное происхождение «кулак» или «сын кулака», но причиной ареста названы шпионаж, активная подготовка к вооруженному восстанию в период предстоящей войны, подрывная работа в промышленности, сельском хозяйстве и на железнодорожном транспорте. Эти «составы преступления» соответствовали директиве Успенского от 3 апреля 1938 г. и волне арестов, проведенных накануне его посещения Запорожья и Николаева. В результате этого нажима Ежова и Успенского за время с 1 января по 1 августа в Украине по «немецкому шпионажу» по 1-й категории было репрессировано 4136 чел., по 2-й – 802 чел. и 91 чел. выслан за границу. Больше всех (1 930 чел. по обеим категориям), и это с большим отрывом, было репрессировано в Сталинской области.

Всего же по «немецкой линии» в соответствии с приказом НКВД СССР № 00439 за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. было репрессировано 23036 чел. Из них до 1 июля 1938 г. «осуждено», т. е. репрессировано по 1-й и 2-й категориям, 11 748 чел., а остальные, по всей видимости, еще находились в тюрьмах в ожидании решения «двойки». Из арестованных по «немецкой линии» 23036 чел. НКВД инкриминировал 9100 чел. «германский шпионаж», остальным, т. е. более чем половине, – вредительство, диверсии, повстанческую контрреволюционную деятельность, контрреволюционную агитацию, террор или другие преступления. Но надо заметить, что эта справка не дает возможности вычислить, сколько же немцев было арестовано и репрессировано после появления приказа № 00439.

Не содержит разбивки по национальному признаку и объяснительная записка к этому цифровому отчету, который представлял собой итог деятельности наркомов Балицкого (арестован 7 июля 1937 г., приговорен к ВМН 27 ноября 1937 г. и расстрелян) и Леплевского (арестован 26 апреля 1938 г., расстрелян 28 июля 1938 г.). В записке внимание обращено на ликвидированный «Всеукраинский немецкий фашистский повстанческий центр, имевший свои областные повстанческие центры в Донбассе, Харькове, Одессе и Житомире». НКВД приписал этой фантомной организации 194 штурмовых отряда, 5629 участников которых, преимущественно немцы, были арестованы.

«Особые тройки НКВД»

Приказом НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г. «в целях быстрее рассмотрения следственных дел» по «национальным линиям» были организованы «особые тройки» при областных УНКВД в том же составе, что и «тройки», существовавшие до этого времени [55]. В циркуляре № 189 от 21 сентября 1938 г. Берия разъяснял, что рассмотрению «особыми тройками» на местах подлежат дела «всех лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской и китайской национальностей, а также харбинцев и участников белогвардейских организаций..., арестованных до 1 августа 1938 г. и изблеченных в шпионской, диверсионной, террористической и иной антисоветской деятельности» [56, л. 84-86].

«Особая тройка» не имела права рассматривать дела на иностранных подданных, высоко квалифицированных специалистов, сотрудников НКВД и военнослужащих, которым присвоены специальные воинские звания [56, л. 84-86].

После приказа № 00606 «двойка» продолжала рассматривать дела на иностранных подданных, отчасти отменяя решения об их высылке из СССР с передачей права принятия иного решения органом НКВД по месту их нахождения в соответствии с приказом НКВД СССР.

17 ноября 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», за которым 26 ноября последовал приказ НКВД СССР № 00762. Этим приказом групповые аресты и выселения запрещались с переходом к арестам «в строго индивидуальном порядке», районные и городские отделения НКВД имели право арестовывать только с предварительной санкции вышестоящих органов НКВД. Приказы, циркуляры и распоряжения по «кулацкой» и «национальным» операциям объявлялись утратившими силу, а количество дел, направляемых на рассмотрение Особому совещанию при НКВД СССР, полагалось максимально сократить – впредь их должны были лично докладывать наркомы союзных и автономных республик, начальники краевых и областных УНКВД или их заместители. Дела, уже рассмотренные Особым совещанием или «тройками», но «приговоры» по которым еще не были приведены в исполнение, подлежали доследованию [57, л. 3526].

Начавшаяся после этого чистка сотрудников НКВД, однако, не получила размаха, соответствующего совершенным ими «нарушениям социалистической законности». Шифрограммой от 10 января 1939 г. И. Сталин дал пояснения секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД: «ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов-райкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б). При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и при том в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдавать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару» [58, с. 283].

Как видно по циркуляру заместителя наркома внутренних дел УССР А. Кобулова от 31 декабря 1938 г., к этому времени НКВД репрессии не прекратил. Напротив, в этом циркуляре «Об агентурно-оперативной работе по немецкой к[онтр]-р[еволюции]», адресованном всем начальникам УНКВД, утверждалось: «Не вся шпионско-диверсионная агентура немецкой разведки в промышленности нами вскрыта. Наша ближайшая задача – добиться вскрытия и очистки промышленных предприятий от этой агентуры. Немецкая разведка, несмотря на нанесенный ей нашими органами удар, за последнее время

перестроила свою роботу и в немецких колониях, и в промышленности Украины, не прекратила своей активной деятельности и продолжает свою подрывную работу. Лишь отсутствие агентуры не дает нам возможности вскрыть новые методы работы немецкой разведки на наших предприятиях, в колониях и др. объектах». Далее следовало указание: «Приступить к насаждению агентуры в немецких национальных районах; Учесть всех немцев, австрийцев и чехов, работающих в промышленности и заняться их глубокой агентурной разработкой; Восстановить учеты по основной базе немецкой контрреволюции, шпионажу и диверсии» [53, л. 374]. За этим следовал перечень 16-ти категорий учета, заканчивавшийся самой многочисленной группой: «лица, прошедшие по показаниям репрессированных по немецким делам, не репрессированные до сего времени, и др.» [53, л. 375]. Циркуляр завершался требованием: «К 25 января 1939 года вышлите подробный доклад о результатах Ваших агентурно-оперативных мероприятиях по работе среди немцев» [53, л. 376]. Известно, что доклады по «немецкой колонии» поступали за 1940 и 1941 гг., а накануне германо-советской войны и в первые ее месяцы аресты проводились именно по этим категориям учета [59].

Параллельно с «Большим террором» повсеместно проводилось сворачивание национальной политики, еще недавно оставлявшей для этнических групп возможность сохранения национальной культуры и идентичности. 24 января 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О реорганизации национальных школ» в советские школы обычного типа, а 10 апреля 1938 г. ЦК КП(б)У принял аналогичное постановление для реализации вышеназванной директивы в Украине. Подготовительную работу по преобразованию всех школ, техникумов, Одесского немецкого пединститута и отделений, готовящих преподавателей для немецких, болгарских и польских школ с их переводом на украинский или русский язык преподавания, предписывалось закончить до 1 сентября 1938 г. [60, с. 255-256]. Вслед за постановлением ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов» как искусственно созданных (16 февраля 1939 г.) последовало постановление ЦК КП(б)У «О реорганизации национальных районов и сельсоветов» (5 марта 1939 г.) [60, с. 260-262], предписавшее ликвидировать в Украине 10 национальных районов на основании решения ЦК ВКП(б).

В 1939 г. небывалый размах приобретает работа архивных учреждений по заданиям оперативных органов НКВД. При приеме государственных архивов в ведение НКВД было установлено, что в них «остается неразработанным большое количество материалов, представляющих большой оперативный интерес для органов НКВД», которым априори было «известно, что многие антисоветские элементы, на которых имеются в архивах компрометирующие материалы, проживают на территории СССР и ведут вражескую работу». Снова были определены «контингенты политических окрасок» для первоочередного «взятия на карточный учет». Выявлению подлежали, кроме прочих, –

участники заговоров и мятежей против советской власти, агенты и разведчики иностранных государств. В 1940 г. проводилось выявление документов представительств германских фирм, германских концессионных предприятий и смешанных германо-советских акционерных обществ, существовавших в СССР до 1935 г. 23 октября 1940 г. появился приказ НКВД СССР № 001345 «Об использовании архивных материалов в оперативно-чекистской работе», в котором упор делался на республиканские, краевые и областные госархивы [27, с. 20, 21]. Накануне войны выявление «врагов народа» по архивным документам достигло невероятных размеров: в 1939 г. – 108694 чел., 1940 г. – 1399217 чел., среди которых члены антисоветских политических партий составили 623788 человек, шпионы и заподозренные в шпионаже – 61 832, участники контрреволюционных мятежей – 23627. Списки на выявленный «контрреволюционный элемент» передавались в оперативные отделы НКВД и УНКВД «для реализации их в оперативно-чекистской работе» [27, с. 22, 23].

После нападения Германии на СССР по этим спискам проводились аресты немцев, попавших в довоенные годы в поле зрения НКВД.

Список использованных источников и литературы

1. Гриневич В.А., Гриневич Л.В. Слідча справа М.А. Муравйова: Документована історія. – К., 2001. – 336 с.
2. Шама О. Красная гвардия. Как большевики впервые захватили Киев и три недели грабили и убивали местных жителей // Новое время. – 2015. – № 5. – С. 62-65.
3. Положение о национальных секциях при партийных комитетах РКП(б) // Известия ЦК РКП(б). – 1920. – № 25. – С. 3.
4. Шарапов Я.Ш. Национальные секции РКП(б). – Казань: Изд-во Казанского университета 1967. – 271 с.
5. Aus den deutschen Siedlungen Russlands // Wolgadeutsche Monatshefte. Monatsschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen. Berlin. – 1922. – Nr. 1 (1. Juli). – S. 89-91.
6. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917-1924 гг. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 851 с.
7. Чирко Б.В. Національні меншини в Україні (20-30 роки ХХ століття). – К.: Асоціація «Україно», 1995. – 215 с.
8. Чирко Б.В. Німецька національна меншина в Україні: етнополітичні та соціально-економічні процеси в умовах радянської політичної системи (перша половина ХХ століття). – К.: АМУ, 2015. – 248 с.
9. Государственный архив Одесской области. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 811.
10. Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. – М.: Готика, 1998. – 253 с.
11. Циркулярное письмо Объединенного государственного политического управления № 7/37 (по контрразведывательному отделу). Москва, 1924 // РГАСПИ. – Ф. 76. – Оп. 3. – Д. 317.
12. Справка КРО ОГПУ СССР «Германская контрреволюционная работа в СССР», июль 1925 г. // РГАСПИ. – Ф. 76. – Оп. 3. – Д. 317.
13. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. – М. Издательство Коммунистической Академии, 1930. – 290 с.
14. Müller A. 15 Jahre Oktoberrevolution im deutschen Dorfe. – Charkow-Kiew, 1932.
15. Плесская Э.Г. Подготовка национальных кадров для немецких школ Украины (1924-1938 гг.) // Немцы Одессы и Одесского региона. Сборник докладов, сделанных на

- международных научных конференциях в Гёттингене (Германия). – Одесса: Астропринт, 2003.
16. Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 18-20 нояб. 1998 г. / Ред.-сост. И.Л. Щербакова. – М., 1999.
 17. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД, 2003. – 912 с.
 18. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы: В 5 т. – Т. 3. Конец 1930-1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 1008 с.
 19. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 6.
 20. ОГА СБУ. – Ф. 13. – Д. 264.
 21. ОГА СБУ. – Ф. 13. – Д. 264.
 22. ОГА СБУ. – Ф. 13. – Д. 276.
 23. Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-1930-е годы. – М.: Готика, 1998. – 208 с.
 24. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М.: Готика, 2000. – 320 с.
 25. Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). – М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
 26. Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918-1953 гг.). – М.: Вече, 2018. – 480 с.
 27. Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. – 1992. – № 3. – С. 13-24.
 28. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917-1980 гг. – М.: РГГУ, 1994. – 356 с.
 29. ОГА СБУ. – Ф. 13. – Д. 111.
 30. ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 396.
 31. Горбуров К. 3 історії українсько-польського прикордоння міжвоєнної доби ХХ ст.: Маршлевський польський національний район УСРР 1925-1935 рр. // Регіональна історія України. – Вип. 9. – Київ, 2015. – С. 119-140.
 32. Постановление СНК СССР № 776-120 СС «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств» от 28 апреля 1936 г. // Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.). Сб. документов: Архив Президента Республики Казахстан / Отв. ред. Л.Д. Дегитаева. – Алматы: Изд. дом «Казахстан», 2000. – С. 18-21.
 33. Архив временного хранения документов Управления СБУ в Харьковской области (далее – АВХ УСБУ в Харьковской обл.). – Д. 018769.
 34. Докладная записка В. Балицкого И. Сталину, апрель 1936 г. // ОГА СБУ. – Ф. 13. – Д. 408.
 35. Ориентировка по делу «Национальный союз немцев на Украине» // ОГА СБУ. – Ф. 13 – Д. 265.
 36. Дело «Национального союза немцев на Украине» 1935-1937 гг.: Документы и материалы / Сост. А. Рублёв; Науч. ред. А. Айсфельд. – К.: ТОВ «Видавництво «Кліо»», 2016. – 608 с.
 37. ОГА СБУ. – Ф. Учетно-архивный отдел КГБ при СМ УССР. – Арх. № 156.
 38. Золотарев В.А., Степкин В.П. ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе: Люди и документы 1919-1941. – Донецк: Алекс, 2010. – 512 с.
 39. Ориентировка по делу ликвидированной в Ташкенте и Ленинграде шпионской и диверсионной резидентуры германской разведки // ОГА СБУ. – Ф. Учетно-архивный отдел КГБ при СМ УССР. – Арх. № 267.
 40. ОГА СБУ. – Ф. 9. – Д. 7-СП.

41. Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937-1938 рр. У 2-х частинах / Упорядн.: С. Кокін, М. Юнге. Ред. кол.: О. Довбня, М. Юнге, Р. Біннер та ін. – Ч. I. – К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2010. – 614 с.
42. ОГА СБУ. – Ф. 9. – Д. 36 а.
43. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 190.
44. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 30 (1951 г.). – Д. 31.
45. ОГА СБУ. – Ф. 42. – Д. 32.
46. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 120.
47. Собрание законов СССР. – 1937. – № 66. – С. 297.
48. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 275.
49. Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан Исторические сборники «Мемориала». – Вып. 1 / Под ред. Гурьянова А.Е. – М.: Звенья, 1997.
50. Золотарьов В.А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків: Фоліо, 2004. – 366 с.
51. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 31 (1951 г.). – Д. 59.
52. ОГА СБУ. – Ф. 42. – Д. 36 (1938 г.).
53. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 313.
54. ОГА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 300.
55. ОГА СБУ. – Ф. 9. – Д. 8-СП.
56. ОГА СБУ. – Ф. 9. – Д. 10-СП.
57. ОГА СБУ. – Ф. 9. – Д. 8-СП.
58. Реабілітовані історією. Донецька область. – Кн. 1 / Ред. кол.: В.М. Демидко (гол.), В.П. Безродний та ін. – Донецьк: Видавництво КП «Регіон», 2004. – 648 с.
59. Айсфельд А., Мартыненко В. Филтрация и оперативный учет этнических немцев Украины органами НКВД-НКГБ-МВД-КГБ во время Второй мировой войны и в послевоенные годы // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Науковий і документальний журнал. – 2010. – № 2(35). – С. 96-107.
60. Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Довідник. У 2 ч. – Ч. 2 / Упоряд.: І.О. Кресіна (керівник), В.Ф. Панібудьласка; За ред. В.Ф. Панібудьласки. – К.: Вища школа, 1997. – 704 с.

References

1. Hrynevych, V.A. & Hrynevych, L.V. (2001) *Slidcha sprava M.A. Muravyova: Dokumentovana istoriya* [Investigative case MA Muravyova: Documented history]. Kyiv. [In Ukrainian].
2. Shama, O. (2015) Krasnaya gvardiya. Kak bol'sheviki v pervyye zakhvatili Kiyev i tri nedeli grabili i ubivali mestnykh zhiteley [Red Guard. How the Bolsheviks first captured Kiev and robbed and killed local residents for three weeks]. *Novoye vremya* [New time], 5, 62-65. [In Russian].
3. Polozheniye o natsional'nykh sektsiyakh pri partiynykh komitetakh RKP(b) [The regulation on the national sections of the party committees of the RCP (b) (1920)]. *Izvestiya TSK RKP(b)* [Bulletin of the Central Committee of the RCP (b)], 25, 3. [In Russian].
4. Sharapov, Ya.Sh. (1967) *Natsional'nyye sektsii RKP(b)* [National sections of the RCP (b)]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta. [In Russian].
5. Aus den deutschen Siedlungen Russlands (1922). *Wolgadeutsche Monatshefte. Monatsschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen. Berlin, 1 (1. Juli)*, 89-91. [In German].
6. Chebotareva, V.G. (2003) *Narkomnats RSFSR: Svet i teni natsional'noy politiki 1917-1924 gg.* [People's Commissariat of the RSFSR: The Light and Shadows of National Politics 1917-1924]. Moskva: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev. [In Russian].

7. Chyrko, B.V. (1995) *Natsional'ni menshyny v Ukrayini (20-30 roky XX stolittya)* [National minorities in Ukraine (20-30 years of the XX century)]. Kyiv: Asotsiatsiya "Ukrayino". [In Ukrainian].
8. Chyrko, B.V. (2015) *Nimets'ka natsional'na menshyna v Ukrayini: etnopolitychni ta sotsial'no-ekonomichni protsesy v umovakh radyans'koyi politychnoyi systemy (persha polovyna XX stolittya)* [The German national minority in Ukraine: ethnopolitical and socio-economic processes in the Soviet political system (first half of the twentieth century)]. Kyiv: AMU. [In Ukrainian].
9. Gosudarstvennyy arkhiv Odesskoy oblasti [State archive of Odessa region]. F. P-3. Op. 1. D. 811. [In Russian].
10. Ostasheva, N.V. (1998) *Na perelome epokh... Mennonitskoye soobshchestvo Ukrainy v 1914-1931 gg.* [At the turn of the era ... Mennonite community of Ukraine in 1914-1931]. Moskva: Gotika. [In Russian].
11. Tsirkulyarnoye pis'mo Ob''yedinennogo gosudarstvennogo politicheskogo upravleniya No 7/37 (po kontrrazvedyvatel'nomu otdelu) [Circular letter of the United State Political Administration No. 7/37 (for counterintelligence department)]. Moskva, 1924. RGASPI. F. 76. Op. 3. D. 317. [In Russian].
12. Spravka KRO OGPU SSSR "Germanskaya kontrrevolyutsionnaya rabota v SSSR", iyul' 1925 g. [Certificate KRO OGPU USSR "German counter-revolutionary work in the USSR", July 1925]. RGASPI. F. 76. Op. 3. D. 317. [In Russian].
13. *Natsional'naya politika VKP(b) v tsifrah* [National policy of the CPSU (b) in numbers] (1930). Moskva: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy Akademii. [In Russian].
14. Müller, A. (1932) *15 Jahre Oktoberrevolution im deutschen Dorfe*. Charkow-Kiew. [In German].
15. Plesskaya, E.G. (2003) Podgotovka natsional'nykh kadrov dlya nemetskiikh shkol Ukrainy (1924-1938 gg.) [Training of national personnel for German schools in Ukraine (1924-1938)]. *Nemtsy Odessy i Odesskogo regiona. Sbornik dokladov, sdelannykh na mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiyakh v Gottingene (Germaniya)* [Germans of Odessa and Odessa region. Collection of reports made at international scientific conferences in Gottingen (Germany)]. Odessa: Astroprint. [In Russian].
16. Khaustov, V. (1999) Repressii protiv sovetskiikh nemtsev do nachala massovoy operatsii 1937 g. [Repression against Soviet Germans before the mass operation of 1937]. In Shcherbakova, I.L. (ed.) *Nakazannyi narod: Repressii protiv rossiyskiikh nemtsev. Materialy Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 18-20 noyab. 1998 g.* [Punished people: Repression against Russian Germans. Materials Intern. scientific conf., Moscow, November 18-20. 1998]. Moskva. [In Russian].
17. Yakovlev, A.N. (ed.) (2003) *Lubyanka. Stalin i VCHK-GPU-OGPU-NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partynoy i gosudarstvennoy vlasti. Yanvar' 1922 – dekabr' 1936* [Stalin and the Cheka-GPU-OGPU-NKVD. Archive of Stalin. Documents of the highest bodies of party and state power. January 1922 - December 1936]. Moskva: MFD. [In Russian].
18. Danilova, V., Manning, R. & Viola, L. (eds.) (2001) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927-1939: Dokumenty i materialy: V 5 t. T. 3. Konets 1930-1933* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927-1939: Documents and materials: In 5 vol. T. 3. The end of 1930-1933]. Moskva: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN). [In Russian].
19. OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 6. [In Russian].
20. OGA SBU. F. 13. D. 264. [In Russian].
21. OGA SBU. F. 13. D. 264. [In Russian].
22. OGA SBU. F. 13. D. 276. [In Russian].
23. Chentsov, V.V. (1998) *Tragicheskiye sud'by. Politicheskiye repressii protiv nemetskogo naseleniya Ukrainy v 1920-1930-ye gody* [Tragic fate. Political repressions against the German population of Ukraine in the 1920-1930s]. Moskva: Gotika. [In Russian].

24. German, A.A. (2000) *Istoriya Respubliki nemtsev Povolzh'ya v sobyitiyakh, faktakh, dokumentakh* [History of the Volga Germans Republic in events, facts, documents]. Moskva: Gotika. [In Russian].
25. Mozokhin, O.B. (2006) *Pravo na repressii: Vnesudebnyye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti (1918-1953)* [Right to Repression: Extrajudicial Powers of State Security Agencies (1918-1953)]. Moskva: Kuchkovo pole. [In Russian].
26. Mozokhin, O.B. (2018) *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deyatel'nost' organov VCHK-OGPU-NKVD-MGB (1918-1953 gg.)* [Repression in numbers and documents. The activities of the bodies of the Cheka-OGPU-NKVD-MGB (1918-1953)]. Moskva: Veche. [In Russian].
27. Korneyev, V.Ye. & Kopylova, O.N. (1992) *Arkhivy na sluzhbe totalitarnogo gosudarstva (1918 – nachalo 1940-kh gg.)* [Archives in the service of a totalitarian state (1918 – early 1940s)]. *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic archives], 3, 13-24. [In Russian].
28. Khorkhordina, T.I. (1994) *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917-1980 gg.* [History of the Fatherland and archives: 1917-1980]. Moskva: RGGU. [In Russian].
29. OGA SBU. F. 13. D. 111. [In Russian].
30. TSGAOO Ukrainy. F. 1. Op. 6. D. 396. [In Russian].
31. Horburov, K. (2015) *Z istoriyi ukrayins'ko-pol's'koho prykordonna mizhvoyennoyi doby KHKH st.: Markhlevs'kyy pol's'kyy natsional'nyy rayon USSR 1925-1935 rr.* [From the history of the Ukrainian-Polish borderland of the interwar period of the XX century: Markhlev Polish national district of the USSR 1925-1935]. *Rehional'na istoriya Ukrayiny* [Regional history of Ukraine], 9, 119-140. [In Ukrainian].
32. Degitayeva, L.D. (ed.) (2000) *Postanovleniye SNK SSSR № 776-120 SS “O vyselenii iz USSR i khozyaystvennom ustroystve v Karagandinskoy oblasti Kazakhskoy ASSR 15 000 pol'skikh i nemetskikh khozyaystv” ot 28 aprelya 1936 g.* [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR No. 776-120 SS “On the eviction of 15,000 Polish and German households from the Ukrainian SSR and the economic structure in the Karaganda region of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic” dated April 28, 1936]. *Iz istorii polyakov v Kazakhstane (1936-1956 gg.). Sb. dokumentov: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [From the History of Poles in Kazakhstan (1936-1956) . Sat documents: Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. (pp. 18-21). Almaty: Izd. dom “Kazakhstan”. [In Russian].
33. AVKH USBU v Khar'kovskoy obl. D. 018769. [In Russian].
34. *Dokladnaya zapiska V. Balitskogo I. Stalinu, april' 1936 g.* [Memorandum to V. Balitsky to I. Stalin, April 1936]. OGA SBU. F. 13. D. 408. [In Russian].
35. *Oriyentirovka po delu “Natsional'nyy soyuz nemtsev na Ukraine”* [Guidance on the case “National Union of Germans in Ukraine”]. OGA SBU. F. 13 D. 265. [In Russian].
36. Rublov, A. (ed.) (2016) *Delo “Natsional'nogo soyuza nemtsev na Ukraine” 1935-1937 gg.: Dokumenty i materialy* [The case of the “National Union of Germans in Ukraine” 1935-1937: Documents and materials]. Kyiv: TOV “Vidavnistvo “Klio””. [In Russian].
37. OGA SBU. F. Uchetno-arkhivnyy otdel KGB pri SM USSR [Accounting and archival department of the KGB at the Council of Ministers of the Ukrainian SSR]. Arkh. No 156. [In Russian].
38. Zolotarev, V.A. & Stepkin, V.P. (2010) *CHK-GPU-NKVD v Donbasse: Lyudi i dokumenty 1919-1941* [ChK-GPU-NKVD in the Donbass: People and documents 1919-1941]. Donetsk: Aleks. [In Russian].
39. *Oriyentirovka po delu likvidirovannoy v Tashkente i Leningrade shpionskoy i diversionnoy rezidentury germanskoy razvedki* [Orientation in the case of liquidated in Tashkent and Leningrad espionage and sabotage residency of German intelligence]. OGA SBU. F. Uchetno-arkhivnyy otdel KGB pri SM USSR [Accounting and archival department of the KGB at the Council of Ministers of the Ukrainian SSR]. Arkh. No 267. [In Russian].
40. OGA SBU. F. 9. D. 7-SP. [In Russian].

41. Dovbnya, O., Yunhe, M., Binner, R. et al. (eds.) (2010) *Velykyy teror v Ukraini. "Kurkul's'ka operatsiya" 1937-1938 rr. U 2-kh chastynakh* [The Great Terror in Ukraine. "Kurkuls'ka operation" 1937-1938 pp. In 2 parts]. Ch. I. Kyiv: Vyd. dim "Kyyevo-Mohylyans'ka akademiya". [In Ukrainian].
42. OGA SBU. F. 9. D. 36 a. [In Russian].
43. OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 190. [In Russian].
44. OGA SBU. F. 16. Op. 30 (1951 g.). D. 31. [In Russian].
45. OGA SBU. F. 42. D. 32. [In Russian].
46. OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 120. [In Russian].
47. (1937) *Sobraniye zakonov SSSR* [Collection of laws of the USSR], 66, 297. [In Russian].
48. OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 275. [In Russian].
49. Petrov, N.V. & Roginskiy, A.B. (1997) "Pol'skaya operatsiya" NKVD 1937-1938 gg. [The 'Polish operation' of the NKVD 1937-1938]. In Gur'yanova, A.Ye. (ed.) *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan Istoricheskije sborniki "Memoriala"* [Repressions against Poles and Polish citizens. Historical collections of Memorial]. Vyp. 1. Moskva: Zven'ya. [In Russian].
50. Zolotar'ov, V.A. (2004) *Oleksandr Uspens'ky: osoba, chas, otochennya* [Oleksandr Uspensky: person, hour, otoc'hennya]. Kharkiv: Folio. [In Russian].
51. OGA SBU. F. 16. Op. 31 (1951 g.). D. 59. [In Russian].
52. OGA SBU. F. 42. D. 36 (1938 g.). [In Russian].
53. OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 313. [In Russian].
54. OGA SBU. F. 16. Op. 1. D. 300. [In Russian].
55. OGA SBU. F. 9. D. 8-SP. [In Russian].
56. OGA SBU. F. 9. D. 10-SP. [In Russian].
57. OGA SBU. F. 9. D. 8-SP. [In Russian].
58. Demydko, V.M., Bezrodnyy, V.P. et al. (eds.) (2004) *Reabilitovani istoriyeyu. Donets'ka oblast'* [Rehabilitated by history. Donetsk region]. Kn. 1. Donets'k: Vydavnytstvo KP "Rehion". [In Ukrainian].
59. Aysfel'd, A. & Martynenko, V. (2010) Fil'tratsiya i operativnyy uchet etnicheskikh nemtsev Ukrainy organami NKVD-NKGB-MVD-KGB vo vremya Vtoroy mirovoy voyny i v poslevoynnyye gody [Filtration and operational accounting of ethnic Germans of Ukraine by the NKVD-NKGB-MVD-KGB during the Second World War and in the postwar years]. *Z arkhiviv VUCHK-GPU-NKVD-KGB. Naukoviy i dokumental'nyy zhurnal* [From the archives of VUCHK-GPU-NKVD-KGB. Scientific and documentary journal], 2, 96-107. [In Ukrainian].
60. Panibud'laska, V.F. (1997) *Natsional'ni protsesy v Ukraini: istoriya i suchasnist'*. *Dovidnyk. U 2 ch.* [National processes in Ukraine: history and modernity. Directory. In 2 vol.]. Ch. 2. Kyiv: Vyshcha shkola. [In Ukrainian].

Айсфельд А. Німці України в міжвоєнні роки (1918-1941 рр.)

У статті використанні документи, що висвітлюють процес підготовки і проведення органами НКВС УРСР масової «німецької операції» – складової «Великого терору» в СРСР у 1937-1938 рр. Розкриті історичні обставини появи наказу НКВС СРСР № 00439 від 25 липня 1937 р. та специфіка його виконання в УРСР. Характеризуються також методика відбору «контингенту», який репресували (жертв операції), технологія проведення у межах спецоперації масових репресій та їх трагічні наслідки для німецького населення України.

Оскільки операція швидко набирала обертів, розібратися в тому, що відбувалося в Україні, для німецьких дипломатів було непросто. Але, як впливає з телеграми Посольства Німеччини до Берліна від 7 серпня 1937 р., загальну ситуацію в СРСР дипломати бачили наскрізь. Арешти німецьких підданих вони напряму пов'язали «з відомими терористичними акціями, спрямованими проти всіх верств місцевого населення». Іншими словами, німецьку складову того, що потім назвуть «Великим терором», вони бачили і адекватно оцінювали з перших днів проведення німецької операції.

Документи, які використанні, підтверджують, що трагічним аспектом початку проведення операції стало спрощення і прискорення так званого слідства у «німецьких справах». Не відставали у темпах «роботи» і судові органи, зокрема військові трибунали, які безпосередньо не мали відношення до проведення німецької операції але займалися розглядом справ щодо людей, серед яких були і німці – громадяни СРСР. Обвинувачені за такими серйозними пунктами статті 54 КК УРСР, як зрада батьківщини, шпигунство, диверсія, терор. Санкція цієї статті майже в усіх випадках передбачала найвищу міру кримінального покарання – розстріл, що широко використовувався на практиці. Останньою крапкою в документальному оформленні репресій проти жертв цієї категорії були повідомлення органів НКВС відповідному військовому трибуналу про виконання вироку трибуналу.

Свій внесок у боротьбу з «ворогами» зробили органи прокуратури і, меншою мірою, Наркомат закордонних справ СРСР. Арешти деяких німецьких громадян погоджували з ними.

Ключові слова: німці України, німецька операція, «Великий терор», репресії, шпигунство.

Eisfeld A. Germans of Ukraine in the Interwar Years (1918-1941).

The article uses documents covering the process of preparing and conducting by the NKVD bodies of the Ukrainian SSR a massive “German operation” – an integral part of the “Great Terror” in the USSR in 1937-1938. The historical circumstances of the appearance of the order of the NKVD of the USSR No. 00439 of July 25, 1937 and the specifics of its implementation in the Ukrainian SSR are disclosed. They also characterize the methodology for selecting the “contingent” that was repressed (victims of the operation), the technology of conducting mass repressions within the framework of the special operation and their tragic consequences for the German population of Ukraine.

As the operation quickly gained momentum, it was not easy for German diplomats to figure out what was happening in Ukraine. But, as follows from the telegram of the German Embassy to Berlin on August 7, 1937, diplomats saw through the general situation in the USSR. They directly linked the arrests of German citizens “with well-known terrorist acts directed against all sections of the local population”. In other words, they saw and adequately evaluated the German component of what would later be called the “Great Terror” from the first days of the German operation.

The documents that were used confirm that the tragic aspect of the beginning of the operation was the simplification and acceleration of the so-called “German affairs” investigation.

The judiciary, in particular the military tribunals, which were not directly involved in the German operation but were involved in the consideration of cases against people, among whom were Germans – citizens of the USSR, did not lag behind the pace of “work, accused of such serious paragraphs of Article 54 of the Criminal Code of the Ukrainian SSR as treason, espionage, sabotage, terror. The sanction of this article in almost all cases provided for capital punishment – execution, which was widely used in practice. The last point in documenting the repressions against victims of this category was the NKVD bodies reports to the relevant military tribunal about the execution of the sentence of the tribunal.

The prosecution authorities and, to a lesser extent, the USSR People’s Commissariat for Foreign Affairs contributed to the fight against “enemies”. The arrests of some German citizens were coordinated with them.

Keywords: Germans of Ukraine, German operation, “Great Terror”, repression, espionage.